

Дуклау Алина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9
a.duklau@spbu.ru, alinaduklau@gmail.com

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ ЧАРЛЬЗА КОТТОНА

В статье рассматриваются стиливые и содержательные особенности творчества Чарльза Коттона (1630–1687), связывающие его с ренессансной и барочной традицией, а также тенденции, наиболее полно реализовавшиеся позднее, в эпоху Просвещения, в поэзии рококо и сентиментализма. Подчеркивается тот факт, что особая естественность, легкость, характеризующие его поэтическую интонацию, — это, с одной стороны, реализация стремления достичь идеала грации — ренессансной эстетической категории, с другой — имитация гораціанского стиля *sermo*. Прослеживается влияние на поэзию Коттона Эдмунда Уоллера, выразившееся в плавности и сладкозвучности коттоновского стиха, что является результатом строжайшего соблюдения законов силлабо-тоники; а также традиции поэтов-метафизиков, проявившейся в его строфике, образности, в частности в использовании им метафоры-концепта, трактовке Коттоном понятия «остроумие» в соответствии с его барочной интерпретацией. Рассматривается вопрос о модификации Коттоном существующих жанров: пиндарической оды, послания и пасторали. Экспериментируя с новым для английской поэзии жанром пиндарической оды, Коттон частично следует модели, созданной Каули, решая задачу художественного воспроизведения эмоции поэтическими средствами. В его пасторальной поэзии присутствуют обе модификации этого жанра (любовно-гедонистическая и философско-медитативная), при этом пастораль вступает в сложное взаимодействие с другими жанровыми формами (дружеским посланием, одой, песней). В медитативных стихах прослеживается увлечение Коттона идеями христианского стоицизма. В заключение подчеркивается, что за принятыми Коттоном поэтическими решениями, несомненно, просматривается неповторимые индивидуально-психологические черты. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: Чарльз Коттон, жанр, стиль, ренессанс, барокко, Просвещение, рококо, сентиментализм, поэты-метафизики, пастораль, пиндарическая ода, дружеское послание.

Duklau Alina V.

St Petersburg State University
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation
a.duklau@spbu.ru, alinaduklau@gmail.com

POETRY OF CHARLES COTTON: GENRE AND STYLE

The paper discusses stylistic and thematic features of Charles Cotton's (1630–1687) poetry, which link him to the Renaissance and Baroque tradition, as well as the tendencies which flourish in the Rococo and Sentimentalism poetry in the Age of Enlightenment. The paper emphasizes the fact that his poetic manner of expression, which can be characterized as both natural and easy, is, on one hand, a result of his aspiration to achieve the ideal of *Grace* — a Renaissance aesthetic category, and, on the other hand, stems from his imitating Horace's *sermo* style. The paper traces down the influence of Edmund Waller on Cotton's poetry, which can be found in the smoothness and "sweetness" of Cotton's verses resulting from him strictly following the rules of syllabotonicity; as well as his connection with metaphysical poetry clearly seen in his strophes and stanzas, and especially imagery and figurative language (his conceits in particular), and his treating the concept of *wit* in accordance with its baroque interpretation. The paper deals with Cotton's ingenious modification of the existing genres, such as the Pindaric ode, the epistle, the pastoral. Experimenting with the Pindaric Ode, which was new to the English poetry, Cotton partially follows the pattern created by Cowley, striving to render a live emotion in poetic form. In his pastoral poetry we find both modifications of this genre (hedonistic and meditative). Cotton's

pastoral interacts with other poetic genres (the epistle, the ode, the song). In the concluding part of the paper it is stressed that behind his poetry a unique human personality is clearly seen. Refs 16.

Keywords: Charles Cotton, Genre, Style, Renaissance, Baroque, pastoral, Pindaric ode, epistle.

Стихи Чарльза Коттона (1630–1687) были собраны вместе и опубликованы через два года после его смерти в сборнике, носившем традиционное для эпохи название «Стихотворения по разным поводам» (*Poems on Several Occasions*). В него вошли произведения, создававшиеся Коттоном на протяжении всей жизни, — любовные оды и элегии, пиндарические оды, сонеты, песни, эпиграммы, эпитафии, бурлески, эклоги, сатиры, послания, пасторальный диалог, рождественский гимн, а также переводы с французского, итальянского и латыни. До настоящего момента эти тексты не привлекали достаточно пристального внимания литературоведов. В немногочисленных работах, посвященных Коттону-поэту, основное внимание исследователей сосредоточено на биографии их создателя [Beresford 1923, Holliday 1911, Sembower 1911]. Отдельные стихотворения Коттона рассматривались в рамках исследований, посвященных эволюции жанров пасторали и элегии [Parfitt 1985, Ганин 1997].

Литературный труд был основным занятием Коттона. В молодости он жил во Франции, где познакомился с галантной поэзией, бывшей популярной при французском дворе, — стихами Ракана, Вуатюра, Малерба, Теофиля де Вио, Филиппа Депорта, Жана Берто, Франсуа Менара, которых он переводил на английский и которым подражал в некоторых собственных сочинениях. С этими галантными стихотворениями, охватывавшими предсказуемый набор тем — ревность, печаль, разлука, шалости Купидона, — в английскую литературу входил дух салонной поэзии — *Vers de société*. Нельзя сказать, что здесь Коттон был первооткрывателем. Любовно-гедонистическая пастораль стала популярной в европейской литературе, в том числе и в английской, начиная с эпохи Возрождения. Весьма близок Коттону по настроению поэт Томас Кэрю (1595–1640), принадлежавший к поэтам-кавалерам, окружавшим Карла I. Основой их мировоззрения был эстетический идеал грации, разработанный в трудах А. Фиренцуолы, Пико делла Мирандолы и Б. Кастильоне; в трактате последнего «Придворный» создан образ идеального человека, наделенного этим свойством, т. е. способного совершать любое действие (в том числе и сочинение стихов) легко, непринужденно и изящно, без какого-либо видимого усилия или искусственности. Грацией как свойством наделены прелестные героини пасторалей Коттона, которых поэт называет условными именами — Филис, Хлоя, Хлориса. Про этих очаровательных пастушек, пользуясь словами Фиренцуолы, можно сказать, что они обладают «неким сиянием, которое возникает сокровенным путем от определенного, особого сочетания некоторых частей тела, каких же именно мы сказать не можем; не то этих, не то тех, друг с другом сочетающихся в законченной красоте или совершенстве, взаимно ограничиваемых и прилаженных друг к другу. Сияние это устремляется к нашим взорам с таким упоением для них, с таким удовлетворением для души и радостью для ума, что они тотчас принуждены направлять наши желания к сладостным этим лучам. И потому ... мы очень часто видим, что лицо, отдельные части которого не имеют обычной меры красоты, излучают то сияние грации, о котором мы говорим» [Фиренцуола 1934, с. 330].

Исследователи называют Коттона последним из поэтов-кавалеров [Beresford 1923; Sembower 1911]. Будучи значительно моложе по возрасту, он был введен в их круг своим отцом, тоже Чарльзом Коттоном, который, хотя и не писал стихов, был дружен со многими из поэтов, чему в их стихах сохранились свидетельства. Коттона-старшего Ричард Лавлейс назвал в посвящении к оде «Кузнечик» своим благородным другом, и к нему же обращено стихотворение Роберта Геррика (*To His Honoured and Most Ingenious Friend, Mr. Charles Cotton*). Чарльзу Коттону-младшему посвящено стихотворение Лавлейса «Триумф Филамора и Аморетты» (*The Triumphs of Philamore and Amoret, To the Noblest of Our Youth and Best of Friends, Charles Cotton, Esquire*). Создавая свои пасторали, Коттон стремился достичь идеала грации («красоты в движении») в своих стихах. Его пасторали отличает особая легкость — соответствие стилистическим и грамматическим нормам бытовой речи, естественность разговорной интонации, что так ценилось его сверстниками, блиставшими при дворе Карла II — Рочестером, Сэдли, Этериджем, оставшимися в истории литературы под прозвищем «придворные остроумцы».

Вторая треть XVII века — это период, когда в английском стихосложении происходила адаптация силлабической системы к национальной поэтической традиции. В этом процессе ключевую роль сыграло поэтическое творчество Эдмунда Уоллера. Его стихи (в том числе и любовно-пасторальные), исполненные возвышенной простоты, обрели, благодаря регулярному чередованию ударных и безударных слогов и обязательному совпадению ритмической и синтаксической пауз, особую плавность и сладкозвучность, но вместе с тем и некоторую монотонность. Влияние Уоллера было громадным. Своеобразной реакцией на созданный им жанровый канон были порнографические стихи Рочестера, травестировавшие конвенции пасторального жанра.

Коттон, чей стих строго следует законам, предписанным силлабо-тонической системой, оказался затронут влиянием Уоллера. Стихи Коттона чрезвычайно музыкальны, однако он избегает однообразия, используя различные размеры, прихотливую строфику и чередование рифм, в период практически тотального господства десятисложного куплета, написанного правильным ямбом, с цезурой после пятого слога и логической паузой в конце каждой строки

Отличительной чертой Коттона как поэта, обеспечившей ему уникальное место в английской литературе, является своеобразный юмор, пронизывающий все его произведения, — неожиданность, с которой Коттон противопоставляет литературную условность здравому смыслу, примером чего является любовная ода «К Изабелле», обращенная к невесте — Изабелле Хатчинсон. Чарльз Коттон и Изабелла обвенчались в 1656 году, несмотря на то, что этот брак, неодобряемый родителями обеих сторон, обрек супругов на пожизненные денежные затруднения. В этой любовной оде комический эффект достигается за счет подчеркнутого рифмой стремительного перехода от поэтического восторга к трезвым рассуждениям, более уместным в речи купца, нежели влюбленного стихотворца, сетующего на то, что он не в его силах освободиться от власти своей прекрасной повелительницы и, повинувшись здравому смыслу, ради несомненной выгоды, забыть про свою страсть, расчетливо отдав свое сердце более «удобному» предмету. *Fair Isabel, if aught but thee // I could, or would, or like, or love; // ... My flame to thee might then grow cold, // And I, like one whose love is sense, // Exchange thee for convenience* [Cotton 1810, p. 704] («Пре-

красная Изабелла, // если б я полюбил или мог полюбить не тебя... // моя страсть к тебе остыла бы, и я, подобно тем, чья любовь рассудительна, // променял бы тебя на брак по расчету»).

Чертой любовно-гедонистических пасторалей Чарльза Коттона, роднящей их с поэзией предыдущей литературной эпохи — поэзией поэтов-метафизиков, является внезапный переход от легкомысленного веселья к острому трагизму. Потенциальную возможность такого перехода заключает в себе сам этот жанр с его традиционным топосом — счастливой Аркадией — страной вечного летнего полдня, окруженного со всех сторон бездной небытия, внушающей ужас и побуждающей, следуя гораццианскому девизу «лови мгновение», наслаждаться преходящим и мимолетным. Ожившая в связи с мотивом *carpe diem* в любовно-гедонистической пасторали анакреонтика хранит в себе воспоминание о фольклорных истоках анакреонтической образности — фигуре влюбленной смерти. У Коттона в анакреонтической песне (*Anacreontic*) между жанровой формой и содержанием, которое он через эту жанровую форму выражает, возникает напряжение, которое завораживает читателя. Песня начинается традиционно — с обращения к мальчику-виночерпию и восхвалению радости и жизненных сил, которые возвращает вино. Но в последней строфе звучит тема ужаса перед «отверстой могилой, столь непереносимого, что, не в силах совладать с ним, певец вынужден искать забвения в вине»: *Fill amain, (boy) fill amain? // Whilst I drink I feel no pain; //...// For 'tis better far to lie // Down to sleep, than down to die* [Cotton 1810, p. 713] («Наполни чашу до краев, мальчик, до краев; // пока я пью, я не испытываю мук // ибо гораздо лучше уснуть от опьянения, чем смертельным сном»).

Стихи Коттона, затрагивающие политические вопросы, раскрывают его талант сатирика. Молодость Коттона пришлась на период правления Кромвеля, которого лучшие поэты Англии — Мильтон и Уоллер — воспевали в своих стихах. Коттон не признавал Кромвеля законным правителем, сохраняя верность Стюартам. Обличая Уоллера, прославившего Кромвеля в панегирической оде 1654 г. (*A Panegyric to My Lord Protector, of the Present Greatness of His Highness and His Nation*, 1654), в стихотворном послании к Э. У. (*To E. W.*), Коттон назвал панегирик Уоллера «государственной изменой в стихах» (*treason in rhyme*). При этом Коттон продемонстрировал мастерское владение ремеслом стихотворца, в сатирических целях спародировав узнаваемую поэтическую манеру Уоллера — его величественный героический куплет — правильный, регулярный, строгий, с предельно четко выраженной мыслью: *Then, what thou hast pronounc'd go execute, // Hang up thyself, and say, I bid thee do't; // Fear not thy memory, that cannot die, // This panegyric is thy elegy, // Which shall be, when or wheresoever read, // A living poem to upbraid thee dead* [Cotton 1810, p. 760] («Так выполни же то, что объявил, □ // повесь себя! Скажи, я так велел. // Не тревожься за память о себе — // она не может умереть. // Этот панегирик стал твоей погребальной элегией, // которая, когда бы и где бы ее ни прочли, // будет живым стихотворным упреком тебе мертвому»).

К Кромвелю, приведшему к власти бесчинствовавших буржуа, Коттон относился с отвращением, которое переносил на город — порождение и воплощение буржуазного порядка. Картины городской жизни у Коттона окрашены сатирически. В описании радостей пастушеской Аркадии, брезгливом упоминании о кровавых событиях, сотрясавших Англию, казни короля, шпионах Кромвеля в ряду

других неприятных забот, докучающих благородному джентльмену, можно увидеть политический вызов. *From a ruler that's a curse, // And a government that's worse; // <...> From a kingdom, that's from health // Sickens to a commonwealth // <...> From a domineering spouse, // From a smoky, dirty house; <..>. // Libera nos (The Litany)* [Cotton 1810, p. 579] («от проклятого правителя // и еще худшего правительства // от королевства, которое из-за болезни стало республикой // от властной супруги // от закопченного грязного дома <...> // освободи нас (Литания)»). В то же время, противопоставление деревни (пасторального топоса) городу (территории сатиры) было традиционным для теории жанров XVII века, что нашло отражение в «Ответе на предисловие Давенанта к “Гондиберту”» Гоббса (1650) [Hobbs 2000].

После реставрации монархии Коттон сосредоточил свой поэтический дар на интимной стороне жизни человека. Предметом изображения «аркадских» стихотворений Коттона является смена эмоциональных состояний — испуг, удивление, гнев, печаль, нежность. Каждое из них представляет собой некое мгновение из жизни фантастического полупастушеского-полубожественного мира: пастушка Лаура задремала, и ее ласково баюкает нежный ветерок, она уронила слезу — и она блестит на траве подобно драгоценной жемчужине, которую ныряльщик достает из морской пучины, чтобы украсить ей корону своего государя (*Laura Sleeping, Laura Weeping*).

Тему частного существования отдельного человека Коттон разрабатывает в своих пиндарических одах. Пиндарические оды Коттона посвящены тем явлениям, связанным с приобретением духовного опыта, которые будучи проживаемы индивидуально, в то же время являются универсалиями: «Меланхолия», «Надежда», «Смерть», «Бедность», «Женщина». Пиндарическая ода была для английской поэзии XVII века новорожденным жанром, с которым английские читатели познакомились только в 1656 году после публикации пиндарических од Каули. В отличие от Аламани и Ронсара, заложивших основы континентального жанрового канона пиндарической оды Нового времени, Каули отказался от трехчастной структуры (строфа, антистрофа, эпод), являющейся характерной чертой эпиникия Пиндара. Каули, по словам Конгрива, «не копировал строгость стиха Пиндара, но зачастую удачно подражал силе его тропов и возвышенности стиля и духа» [Congreve 1752, p. 185]. Модификационный тип пиндарической оды, созданный Каули, оказал огромное влияние на дальнейшее развитие этого жанра в Англии, что неоднократно отмечалось в литературоведческих исследованиях. [Shafer 1918; Свердлов 1995; Харитоновна 2008; Кистанова 2015]. Строфы в этом модификационном типе пиндарической оды имеют разную длину, неправильные по количеству ударений строки рифмуются параллельно. При этом стих является логически связным, ибо поэт не должен забывать о теме, которой посвящена его ода. Важной характеристикой пиндарической оды является остроумие — *wit*. Вспышки остроумия позволяют при сопоставлении известного высветить новый смысл, придают предмету оды универсальное значение, поражают читателя блеском интеллекта автора.

Коттон лишь отчасти следует созданному Каули образцу. Ближе всего к модели Каули Коттон подходит в своей оде «Красота», что объяснимо, так как она является ответом на пиндарическую оду Каули с тем же названием. Если ода Каули представляет собой обличение Красоты за ее непостоянство, лживость, недолговечность, безжалостную тиранию, то Коттон, воспроизводя систему рифмовки Каули, а также

использованные Каули эпитеты, прославляет Красоту за способность внушать восторг, за то, что она всегда будет узнанной, несмотря на многообразие обликов, в которых она является, ее безграничное могущество, ее способность исцелить любые раны, за ее бессмертие. В оде Каули речь идет о земной, преходящей красоте, о ее брэнной оболочке, а у Коттона — о платоновской Идее Красоты. В остальных своих пиндарических одах Коттон отказывается от параллельной рифмы, используя непостоянную и прихотливую рифмовку строк.

В оде «Меланхолия» уныние, овладевшее душой лирического повествователя, описывается как навязчивое состояние, как злобный демон, захвативший власть над мыслями и чувствами и, подобно Кромвелю, изгнавший законного повелителя — рассудок, как узурпатор, от власти которого необходимо освободиться. Еще один демон, которому необходимо противостоять — это надежда (в оде с таким же названием), — коварный искуситель, соблазняющий смертного несбыточными мечтаниями, увлечение коими ведет человека к физической и духовной гибели. В оде «Бедность» нищета уподобляется неисцелимой болезни, которая сопровождает человека на протяжении всего жизненного пути. Ода «Смерть» состоит из двух смысловых частей, в первой части смерть представлена отвратительной картиной гниения, распада — состояний, ужас перед которыми внушен человеку с младенчества. Во второй части о смерти речь идет как об освобождении от забот и страданий, долгожданном покое.

В оде «Женщина» в наибольшей степени ощутимо влияние на Коттона метафизической поэзии. Ода начинается с развернутой метафоры — уподобления женщины неизведанному и непостижимому континенту Terra Incognita, в полное опасностей путешествие к которому отправляется моряк. Вторая часть произведения — это упреки праматери Еве, чье безрассудство навлекло на всех ее потомков проклятие первородного греха. В конце оды поэт «спохватывается», что его инвективы могут показаться оскорбительными дамам, которые, без сомнения, чисты и прекрасны, и поэтому он просит у них прощения за то, что, выпив лишнего, начал болтать чепуху.

В основе жанра пиндарической оды лежит представление о «поэтическом восторге» — состоянии экстаза, в котором устами поэта начинает говорить Муза и для передачи которого служит иррегулярность пиндарической оды. Экспериментируя с этим жанром, Коттон решал задачу художественного воспроизведения эмоции поэтическими средствами.

Пиндарические оды открывают трагическую сторону мировоззрения Коттона, характерную для всего XVII столетия. Сознвая метафизический трагизм человеческого существования, его бессилие перед роком и уязвимость перед земными страданиями, в поисках ответа на вопрос, на что опираться в повседневном существовании, Коттон обращается к житейской философии Горация, суть которой частично основана на учении стоиков, частично — на учении Эпикура и заключена в афоризмах: «золотая середина», «лови день» и эпикуровской максиме «живи незаметно». Подобно Горацию, провозгласившего эти принципы из убеждения в непрочности всего существующего, выстрадавшему его личным опытом, Коттона к повторению горацянских девизов побуждают мрачные размышления о хрупкости человеческого бытия, нашедшие отражение в рассмотренных выше пиндарических одах. Коттон перевел на английский язык 2-й эпод Горация («блажен лишь

тот, кто суеты не ведая, как первобытный род людской, наследье дедов пашет на волах своих...»), но наиболее полно понимание Коттоном горацианской философии раскрыто в посвященном Исааку Уолтону стихотворении «Уединение» (*Retirement*), которому автор дал жанровое определение «нерегулярные строфы». В нем поэт воспекает спокойную, неторопливую жизнь вдали от суетных развлечений, страстей, тревог и соблазнов, жизнь, исполненную «покоя» — душевного состояния, необходимого для размышлений о Боге, которое возникает при созерцании Его творения, и почти способного стать земной заменой божественной благодати. Таким образом интерпретировали понятие «покой» мыслители XVII столетия, в частности Джордж Маккензи, в сочинениях которого античный стоицизм соединялся с христианским морализмом [Mackenzie 1713]. *Farewell thou busy world, and may // We never meet again // O solitude, the soul's best friend, // That man acquainted with himself dost make, // And all his Maker's wonders to intend; // With thee I here converse at will, // And would be glad to do so still; // or it is thou alone that keep'st the soul awake* [Cotton 1810, p. 719]. («Прощай же, суетный мир, и пусть // мы никогда не встретимся снова... // О, уединение, лучший друг души, // заставляющий человека познать самого себя // и все чудеса Творца. // Лишь тебе я по своей воле посвящаю себя // и с радостью буду поступать так и впредь. // Лишь благодаря тебе пробуждается душа»).

Многие стихотворения Коттона или относятся к жанру посланий, или снабжены посвящениями друзьям. Таким образом, поэт отдает дань культу дружбы, сложившемуся в европейской поэзии под влиянием римской литературы, прежде всего Горация. Жанр стихотворного послания вобрал в себя требования, предъявлявшиеся к эпистоле античными риториками: стилистическое сходство с диалогом, краткость, относительная простота, эмоциональность, фамильярный тон, интимная интонация, соответствующая характеру адресата. Моделью для подражания было «Послание к Пизонам» Горация, созданное в стиле *sermo* — имитации непринужденной дружеской беседы. Благодаря названным в посвящениях именам, у читателя создается представление о круге друзей-эпикурейцев, которые, живя в соответствии с житейскими заповедями римского философа, без восторгов и горестей, предаются в деревенской глуши приятному безделью. Учет личности адресата — это одно из главных требований риторик к жанру послания. Адресуя свои эпистолы стихотворцам (Исааку Уолтону, Александру Броуму, Уильяму Давенанту, Ричарду Лавлейсу), Коттон воссоздает узнаваемые черты их поэтической манеры и затрагивает ту же тематику, коей посвящены их сочинения.

С Исааком Уолтоном, которому посвящено большинство стихотворений и которого он в посвящении к стансам «Умиротворение» назвал своим глубокочтимым другом и отцом, Коттон действительно был чрезвычайно близок. Уолтон сделал Коттона соавтором своего популярнейшего трактата о рыбной ловле «Искусный рыболов» (*The Complete Angler*), где изящные рассуждения о невинных удовольствиях, связанных с этим занятием, сочетаются со стихотворными посланиями и практическими рекомендациями для рыболовов. Коттон добавил в пятое издание этого трактата (1653 г.) вторую часть. Рыбная ловля рассматривается в нем как занятие, способствующее нравственному самосовершенствованию и постижению божественного откровения, явленного человеку через пейзаж, и сам трактат по духу очень близок к стихам Коттона, адресованным Уолтону.

Некоторые стихи Коттона, как, например, «Путешествие в Ирландию», по интонации предполагают обращение к собеседнику, однако имя адресата не указано. В своих посланиях Коттон часто говорит о себе, при этом его отношение к самому себе исполнено иронии. В насмешливом и скрупулезном наблюдении поэта за самим собой, за непостоянством своих желаний и настроений сказывается влияние на него «Опытов» Монтеня, перевод которых на английский язык является одной из его литературных заслуг. В слабости, моральной неустойчивости, падкости до соблазнов — свойствах, емко охватываемых английским понятием *frailty*, которым пользуется поэт, Коттон видит суть человеческой природы. Описывая свой повседневный быт, Коттон пользуется размером народных баллад и прибегает к ироикомизму, с преувеличенной тщательностью упоминая мельчайшие события, из которых складывается день. Поэт добросовестнейшим образом перечисляет предметы вещного мира, промелькнувшие перед его взором, что сближает его с эстетикой поэтов-метафизиков, прежде всего Джона Донна. Называемые одна за другой, видимые вещи создают ощущение непрерывного движения («Путешествие в Ирландию», «Послание Джону Брэдшоу», «Послание сэру Клиффорду Клиптону»).

В поэтическом наследии Коттона представлены два вида пасторали — любовно-гедонистическая и медитативная. Если местом действия любовно-гедонистической пасторали является традиционный *locus amoenus* («приятное место»), медитативная пастораль Коттона имеет конкретные географические координаты — это окрестности Бересфорда, родового имения Коттонов, графство Пик, которые предстают в стихах Коттона «веселой зеленой Англией» — топосом, описание которого в английской литературе уже много столетий связано с ностальгией, с воспоминанием о небывалом золотом веке, с грустью о представляющемся счастливым прошлым. Таким образом, в поэзии Коттона находит отражение еще один культурный миф, связанный с творческим наследием Горация и породивший целый литературный жанр в английской поэзии XVII века — поэму о сельской усадьбе. Это миф о сабинской ферме Горация как месте, где занятый нетяжелым повседневным трудом, предаваясь простым радостям, не возмущающим спокойствие духа, поэт пребывает в том состоянии свободы от волнений и суеты, которое позволяет достигать вершин вдохновения. В своих стихах Коттон называет местные топонимы, а также с юмором климатические особенности родных мест — зимние холода, что весьма не похоже на места обитания пасторальных пастушков и пастушек («Путешествие в Пик», «Большой Мороз»).

В цикле «Катрены» (Утренние, Дневные, Вечерние, Ночные катрены) поэт рисует волшебную картину смены времени суток, в то же время являющуюся аллегорическим изображением жизненного пути от колыбели до могилы. Эта широко распространенная аллегория скрывает в себе противоречие: времена суток сменяют друг друга бесконечно, в то время как жизненный путь человека линейен. В «Утренних катренах» у Коттона появляется фигура путника, отправляющегося в дорогу, а «ночные катрены» завершаются христианским наставлением, в котором говорится о том, что жизнь является лишь приготовлением к новому путешествию — от мрака смерти к свету вечности. Коттон отдает дань традиционным персонифицированным изображениям зари — Авроры, солнца — Феба, Повелительницы Ночи — Луны, совершающих свой ритуал, описание которого превращается в сказку про огнедышащих коней, чьи капли пота скатываются на землю

метеорами, и про освещающие дорогу лунной колесницы факелы, что на земле зовутся звездами. При этом фантастические картины совершающегося на небесном своде соседствуют с предельно точным описанием бытовых реалий — повседневных хлопот лавочников и фермеров. В «катренах» Коттон обращается к увлечению своего века — оптическим фокусам и иллюзиям: косые лунные тени увеличивают кротовую горку до размеров горы (шутит поэт, намекая на известную поговорку), а муравья превращают в слона.

Можно было бы предполагать, что наряду с дневным циклом, Коттон создаст и стихи, описывающие еще один традиционный в ренессансной и барочной культуре цикл — смену четырех времен года, но у Коттона есть только стихи, посвященные зиме. «Зима» — это величественная аллегорическая картина, описывающая как дряхлый король-зима ведет за собой из Скандинавии на Британские острова своих суровых воинов. При этом компонентом аллегорического плана изображения у поэта выступает сквозная метафора — стилевая черта, характерная для Шекспира, английских маньеристов и поэтов-метафизиков. К идее цикличности времени Коттон обращается в «Рождественском гимне» и в стихотворении «Новый Год». В этих стихах идея вечного возвращения интерпретируется в том историко-философском смысле, которым наполнила эту идею античность — как представление о том, что человечество, пройдя через скверные времена, снова вернется в век Сатурна. Смешивая античное язычество и христианство, Коттон в «Рождественском гимне» соединяет эту идею с прославлением новорожденного Спасителя, и она же звучит в стихотворении «Новый Год».

Характеризуя поэзию Коттона в целом, можно назвать ее пасторальной по духу, если трактовать термин «пастораль» как «обозначение жанровой содержательности, не связанной однозначно ни с каким набором формальных признаков» [Зыкова 2000, с. 11]. В его стихах в рамках одного произведения пасторальный жанр вступает во взаимодействие с другими жанрами — посланием, одой, любовной песней, и окончательный текст — это результат их борьбы и синтеза, что, по наблюдению В. Н. Ганина, является характерной чертой английской пасторали XVI–XVII веков. [Ганин 1997, с. 10].

В XIX веке творчество Коттона привлекло особое внимание поэтов-романтиков. Кольридж, Вордсворт и Чарльз Лэм восхищались «чрезвычайной остротой ума поэта и в то же время его живой восторженностью» [Wordsworth 1815, p. 38]. Воспетые им сельское уединение и жизнь в согласии с природой были близки их идеалам, они видели в нем прямого предшественника Бернса — певца рек, полей и рощ, а также быта простых фермеров, и в то же время упрекали Коттона за «странности», присущие его веку, и чересчур причудливую фантазию.

В стихах Коттона нашли отражение различные стилевые и содержательные особенности поэзии XVII века, роднящие ее с ренессансной и барочной традицией и наиболее полно реализовавшиеся позднее, в эпоху Просвещения, в поэзии рококо и сентиментализма.

Литература

Ганин 1997 — Ганин В. Н. *Поэтика пасторали: Эволюция английской пасторальной поэзии XVI–XVII веков*. Автореф. дис. ... док. филол. наук. МПГУ. М., 1997. 32 с.

- Зыкова 2000 — Зыкова Е. П. *Пастораль в английской литературе XVIII века*. Автореф. дис. ... док. филол. наук. ИМЛИ РАН. М., 2000. 42 с.
- Кистанова 2015 — Кистанова А. В. “Жанр оды в теоретической рефлексии английских поэтов XVII–XVIII веков (А. Каули, У. Конгрив, Э. Юнг).” *Libri Magistri*. Вып. 1: Литературный процесс: историческое и современное измерение. Абрамзон Т. Е. (ред.). Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. С. 9–17.
- Свердлов 1995 — Свердлов М. И. *Тема детства в английской оде XVII–XVIII вв.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. МПГУ. М., 1995. 20 с.
- Фиренцуола 1934 — Фиренцуола А. *Сочинения*. Габричевский А. Г. (пер.). Дживелегов А. К. (ред.). М.; Л.: Academia, 1934. 396 с.
- Харитоновна 2008 — Харитоновна М. С. *Поэзия Дж. Свифта: проблематика и поэтика*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПбГУ. СПб., 2008. 22 с.
- Beresford 1923 — Beresford J. “Introduction.” *Poems of Charles Cotton*. London: R. Cobden-Sanderson Publ., 1923. P. 7–29. (англ.)
- Congreve 1752 — Congreve W. “A Discourse on the pindarique ode.” *The works of Mr. William Congreve*: In 3 vols. Vol. 3. Tonson R. (ed.). London: Tonson, 1752. P. 179–186. (англ.)
- Cotton 1810 — Cotton C. *Poems*. London: J. Johnson Publ., 1810. 770 p. — (The works of the English poets from Chaucer to Cowper; 6) (англ.)
- Hobbes 2000 — Hobbes T. “Answer to Davenant’s preface to Gondibert.” *Literary criticism of 17th century England*. Taylor E. W. (ed.). Lincoln: iUniverse Publ., 2000. P. 279–290. (англ.)
- Holliday 1911 — Holliday C. *The Cavalier poets: Their lives, their day, and their poetry*. New York; Washington: The Neale Publ., 1911. 320 p. (англ.)
- Mackenzie 1713 — Mackenzie G. *Essays upon several moral subjects*. London: J. Brown Publ., 1713. 442 p. (англ.)
- Parfitt 1985 — Parfitt G. *English poetry of the seventeenth century*. London: Longman, 1985. 302 p. (англ.)
- Sembower 1911 — Sembower C. J. *The life and the poetry of Charles Cotton*. Philadelphia; New York: Univ. of Pennsylvania Publ., 1911. 127 p. (англ.)
- Shafer 1918 — Shafer R. *The English ode to 1660: an essay in literary history*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1918. 167 p. (англ.)
- Wordsworth W., Wordsworth D. 1815 — Wordsworth W., Wordsworth D. “Preface to Lyrical Ballads.” *Poems by William Wordsworth*: In 2 vols. Vol. II. London: Longman, 1815. P. 363–394. (англ.)

Для цитирования: Дуклау А. В. Жанрово-стилевое своеобразие поэзии Чарльза Коттона // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 533–543. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.403>

References

- Ганин 1997 — Ganin V. N. *Poetika pastorali: Evoliutsiia angliiskoi pastoral'noi poezii XVI–XVII vekov* [Poetics of pastoral]. Abstract of the thesis for Doctor of Philology. MPGU. Moscow, 1997. 32 p. (Russian)
- Зыкова 2000 — Zyкова E. P. *Pastoral' v angliiskoi literature XVIII veka* [Pastoral in the English literature of the 18th century]. Abstract of the thesis for Doctor of Philology. IWL RAS. Moscow, 2000. 42 p. (Russian)
- Кистанова 2015 — Kistanova A. V. “Zhanr ody v teoreticheskoi refleksii angliiskikh poetov XVII–XVIII vekov (A. Kauli, U. Kongriv, E. Iung) [Genre of ode in the theoretical reflection of the English poets in the 17–18th centuries (A. Cowley, W. Congreve, E. Young).” *Libri Magistri*. Iss. 1: Literaturnyi protsess: istoricheskoe i sovremennoe izmereniia [Literary process: Historical and current approaches]. Abramzon T. E. (ed.). Magnitogorsk: NMSTU Publ., 2015. P. 9–17. (Russian)
- Свердлов 1995 — Sverdlov M. I. *Tema detstva v angliiskoi ode XVII–XVIII vv.* [Theme of childhood on the English ode in the 17–18th centuries]. Abstract of the thesis for Doctor of Philology. MSPU. Moscow, 1995. 20 p. (Russian)
- Фиренцуола 1934 — Firenzuola A. *Sochineniia* [Works]. Gabrichevskii A. G. (trans.), Dzhivelegov A. K. (ed.). Moscow; Leningrad: Academia, 1934. 396 p. (Russian)
- Харитоновна 2008 — Kharitonova M. S. *Poeziia J. Swifta: problematika i poetika* [Poetry of J. Swift: Problematics and poetics]. Abstract of the thesis for Doctor of Philology. SPbSU. St. Petersburg, 2008. 22 p. (Russian)

- Beresford 1923 — Beresford J. "Introduction." *Poems of Charles Cotton*. London: R. Cobden-Sanderson Publ., 1923. P.7–29. (English)
- Congreve 1752 — Congreve W. "A Discourse on the pindarique ode." *The works of Mr. William Congreve*: In 3 vols. Vol. 3. Tonson R. (ed.). London: Tonson, 1752. P.179–186. (English)
- Cotton 1810 — Cotton C. *Poems*. London: J. Johnson Publ., 1810. 770 p. — (The works of the English poets from Chauser to Cowper; 6) (English)
- Hobbes 2000 — Hobbes T. "Answer to Davenant's preface to Gondibert." *Literary criticism of 17th century England*. Tayler E. W. (ed.). Lincoln: iUniverse Publ., 2000. P.279–290. (English)
- Holliday 1911 — Holliday C. *The Cavalier poets: Their lives, their day, and their poetry*. New York; Washington: The Neale Publ., 1911. 320 p. (English)
- Mackenzie 1713 — Mackenzie G. *Essays upon several moral subjects*. London: J. Brown Publ., 1713. 442 p. (English)
- Parfitt 1985 — Parfitt G. *English poetry of the seventeenth century*. London: Longman, 1985. 302 p. (English)
- Sembower 1911 — Sembower C.J. *The life and the poetry of Charles Cotton*. Philadelphia; New York: Univ. of Pennsylvania Publ., 1911. 127 p. (English)
- Shafer 1918 — Shafer R. *The English ode to 1660: an essay in literary history*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1918. 167 p. (English)
- Wordsworth W., Wordsworth D. 1815 — Wordsworth W., Wordsworth D. "Preface to Lyrical Ballads." *Poems by William Wordsworth*: In 2 vols. Vol. II. London: Longman, 1815. P.363–394. (English)
- For citation:** Duklau A. V. Poetry of Charles Cotton: Genre and Style. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 533–543. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.403>

Статья поступила в редакцию 17 января 2016 г.
Статья рекомендована в печать 29 апреля 2017 г.